

Старый Нарвский Листокъ

Редакция и контора:
NARVA, Suut täht, (Вышгородская ул.) № 1.
Телефонъ 65.

Редакторъ: принимаетъ отъ 12—4. Контора откр. съ 9—4.

Вся корреспонденція адресуется на редакцію
«СТАРЫЙ НАРВСКИЙ ЛИСТОКЪ».
Несправленія рукописи не возвращаются.

Основанъ Н. К. Григорьевъ въ 1898 г.

Выходить по вторникамъ,
четвергамъ и субботамъ.

Подписная плата:
съ доставкой на 1 мѣ. 76 ц., безъ доставки на 1 мѣ. 65 ц.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1 мѣ. въ 1 стр. на 4-ой стр. 3 ц.
1 мѣ. въ 1 стр. на 1-ой стр. 6 ц.
1 мѣ. въ 1 стр. въ тебѣ 6 ц.

№ 77 (554).

Вторникъ, 16 июля 1929 г.

Цѣна номера 7 центовъ (марокъ)

Новый Чеховъ.

(Къ 25-ти лѣтию со дня смерти).

Издана съ именемъ Чехова связана цѣлая цѣль ассоциирующихся представлений: Чеховъ — писецъ сумасшедшей эпохи, Чеховъ — поэтъ предвѣстной тоскующей Чеховъ, писецъ тоскующей русской интеллигенціи; самъ обликъ писателя рисуется таинкимъ, неопредѣленнымъ, тоскующимъ; произведенія — под-прутыми пленкой тоски, тоски по идеаламъ, по далекомъ небѣ въ алмазахъ, по вышнему саду, черезъ 200—300 лѣтъ.

Нѣсколько правильны эти представления — говорить цѣлый рядъ статей, появившихся за послѣдніе годы на страницахъ современной печати. Статей эти, принадлежащая перу советскихъ публицистовъ и критиковъ Еф. Зюгану, А. И. Пуначарскому, Мик. Кольцову и знаменитаго чеховѣдца Юрія Соболева берутъ въ основу утвержденіе, что весь этотъ образъ, всю эту характеристику звушили читатели критики, режиссеры, мемуаристы, — превратили истинное въ что-то, говорили, вѣрнѣе, хотѣли сказать Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ. На самомъ ли дѣлѣ произошла такая крупная ошибка, на самомъ ли дѣлѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій критики, или по ложному пути, или по нему и всю массу читающей публики? И если это такъ, чѣмъ же объяснить подобное заблужденіе?

Прежде всего поищемъ отгадку у самого Чехова. Живыми документами чеховскихъ позрѣній являются чеховскія письма, но они то и убѣждаютъ насъ въ томъ, что обликъ Чехова, составленный изъ множества автобиографическихъ чертъ и мелкихъ автохарактеристикъ, нисколько не похожъ на тотъ портретъ, который рисовали современники. Въ самомъ дѣлѣ, томъ бланго, безжалостнаго сатирика, несбыточнаго болтуна и живнеразвѣстнаго, отсутствіе какихъ бы то ни было чертъ, нисколько не похожихъ на чеховскія письма, а вѣдь не надо забывать, что писавъ ихъ человѣкъ осужденный не только въ вымышленной болѣзненной сказкѣ, но и приговоренный завѣдомо къ смерти.

Далѣе, воспоминанія о Чеховѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которые рисовали ложный обликъ Чехова, только въ характеристикахъ своихъ отуманивающихъ обликъ Чехова какой то, несвойственной ему, распыленностью и «нѣжной тихой грустью» (выраженіе, не разъ повторенное въ чеховѣдствѣ), тогда какъ фактическая часть воспоминаній, гдѣ дѣло касается моментовъ изъ подлинной чеховской жизни, совершенно не является съ давними характеристиками, — неслѣдъ высказывать тоже же образъ, что и въ писемъ.

Возьмемъ примѣръ: Чеховъ былъ сильно неудовлетворенъ тѣмъ меланхолически-слезливымъ разры-

зомъ, въ которомъ шла въ Моск. Худ. театрѣ одна изъ самыхъ, по мнѣнію современниковъ, грустно-поэтическихъ пьесъ — «Вишневый садъ»; не разъ онъ говорилъ: «Послушайте же, вѣдь это не драма, это комедія, почти фарсъ» — слова эти принимались недоумѣнно, потому сознательно отсылались за счетъ шутки, но Чеховъ оставался неяснымъ и писалъ въ писемъ къ Книперу: «Чеховъ. Какъ это ужасно! Актъ, который долженъ продолжаться 12 минутъ максимум, у васъ идетъ 40 минутъ. Одно могу сказать... ну, да Богъ съ нимъ».

Повидимому, на самомъ дѣлѣ крупнѣйшая ошибка, въ обрисовкѣ чеховскихъ образа и творчества, произошла, но чѣмъ же объяснить ее возникновеніе и то обстоятельство, что въ теченіе столько лѣтъ почти никто иначе и не мыслитъ о Чеховѣ?

По всей вѣроятности ларчикъ просто отперся: подочеркуемъ попросту фактъ, не уступающаго Щедрину, сатирика тягуче монолога, диалоги, наконецъ, характеристики героев сошли для такихъ же современниковъ за чистую монету; то, что для стоявшаго въ сторонѣ и не повожаго на современниковъ энергичного и живого по духу выходца изъ народа — Чехова было «комедіей, почти фарсомъ», — явилось драмой для тѣхъ, кто почувствовалъ въ чеховскихъ герояхъ свои мысли, свои слова, свои настроенія.

Смерть Чехова, за которой послѣдовалъ потокъ чеховѣдствъ, отвелъ вниманіе отъ характеристики личности, давъ волю всѣмъ истиннымъ и новоспеченнымъ друзьямъ Чехова писать мемуары, потому то съ такою легкостью, безъ всякаго раздумья, на одной страницѣ укрупнившись подлинный Чеховъ въ биографическихъ фактахъ и измышленный Чеховъ — въ жалкихъ и пошлыхъ по существу характеристикахъ: «Писецъ сумерокъ», «Писецъ тоски по прекрасной жизни», «Писецъ предрасвѣстныхъ сумерокъ» и т. д. и т. д. (Появившееся собраніе писемъ должно было неминуемо натолкнуть на мысль о противорѣчивости подлиннаго матеріала съ измышленными комментаріями, что и произошло, правда, съ нѣкоторой задержкой, ибо письма Чехова появились передъ самой революціей (послѣдній томъ вышелъ въ 1916 г.).

Критики послѣднихъ лѣтъ произвели во всей чеховѣдствѣ полную переорѣзку цѣнностей. Изъ всего, что появилось до сихъ поръ о Чеховѣ, — должное надлежитъ поныне исследователямъ отбросить отъ ложнаго, но мало надѣяться, что теперь возніе Чехова пойдетъ по иррациональному пути.

Ревель.

А. Жуковъ.